

О.Ю. РЫБАКОВ,
С.В. ТИХОНОВА

Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога

Статья посвящена вопросам теоретического обеспечения модернизации российского права в условиях глобализации. Авторы формулируют наиболее значимые проблемы социального развития, детерминирующие необходимость трансформации российской правовой системы и требующие общегуманитарной рефлексии и междисциплинарного синтеза социогуманитарного знания.

Ключевые слова: модернизация права, глобализация, методология социально-гуманитарных наук.

The article is about the questions of theoretical support of the modernization of the Russian right at the globalization conditions. Authors formulate the most significant problems of the social development which determining the necessity of the transformation of the Russian legal system and demanding the common humanities reflection and the interdisciplinary synthesis of the social-humanities knowledge.

Keywords: right modernization, globalization, methodology social-humanities.

Интенсивность и динамичность трансформаций социального пространства, характерные для нынешней эпохи, предъявляют жесткие требования к социогуманитарным наукам. Исследовательская рефлексия не поспевает за веяниями времени: меняется расстановка сил на геополитической шахматной доске, волны экономической глобализации стирают традиционные социальные устои, террористическая угроза вносит новые акценты в демократическую правовую политику. Юридическая наука – не исключение. Она должна обеспечивать соответствие изменившимся социальным реалиям правоприменительных практик. Эта задача невозможна вне общего социально-гуманитарного дискурса, отвечающего за приращение научных знаний об обществе. Модернизация права – перманентный процесс, эффективность которого во многом складывается на уровне методологии науки.

Общезвестно, что право может либо опережать общественные отношения и стимулировать их развитие, либо отставать от них и тормозить его. Распространение либеральной идеологии привело к тому, что первая ситуация считается предпочтительной. Однако, если разрыв между реальностью и внедряемой моделью окажется слишком большим, норма права будет нежизнеспособной: закон окажется существовать только

Рыбаков Олег Юрьевич – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной академии права.

Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной академии права.

на бумаге, не влияя на общественные отношения. Но усилий одних юристов явно недостаточно, поскольку социальное развитие не сводится к проблемам правоведения. Для его адекватного понимания, объяснения и управления требуются интеграция всего комплекса социально-гуманитарных наук, диалог ученых-юристов и представителей других отраслей научного знания об обществе. Попытаемся конкретизировать последний тезис и выявить те области исследования, которые сегодня наиболее актуальны для обеспечения эффективной модернизации права.

Проблема первая. Правовая норма должна утверждать ценности, характерные для данного общества. Гуманизация социальных отношений привела к тому, что базовой ценностью современного общества провозглашен человек и его права.

Сегодня юристы понимают под правами личности¹ отраженные в законодательстве правовые притязания личности по отношению к другим гражданам, государству, его органам, должностным лицам, основывающиеся на принятом в данном обществе гуманистическом понимании права. Например, В. Сырых так раскрывает понятие прав личности: “Признание личности как высшей социальной ценности, если оно не носит сугубо декоративный или декларативный характер, должно быть последовательно проведено через всю систему действующего права посредством предоставления личности, во-первых, максимально возможной свободы действий и мыслей и, во-вторых, эффективной охраны и защиты от любых посягательств как со стороны отдельных индивидуумов, так и государства, его органов и должностных лиц” [Сырых, 2004, с. 35].

Признание прав и свобод личности по сути является достижением в развитии человечества в целом. Это достижение стоит выше, чем технические изобретения и открытия великих ученых разных эпох. Для чего нужно изобретать колесо, электричество, компьютер, осуществлять полеты в космос, вести борьбу с опасными и массовыми заболеваниями, для чего вообще человечеству необходим прогресс? Для того чтобы улучшить положение человека в мире, сделать его более комфортным, устойчивым, гарантированным, в то же время попытаться приблизиться к разгадке тайны бытия и планеты, на которой человек живет. Однако сами по себе данные достижения, общечивилизационный прогресс обретают гуманистическую реальность, когда используются конкретными индивидами в их жизнедеятельности на основе права, когда доступ к достижениям научно-технического прогресса не зависит от происхождения человека (расы, национальности, класса, сословия, конфессии и т.п.).

Очевидно, что права и свободы человека – не константы, степень их реализации детерминирована уровнем социального развития, поскольку права и свободы закрепляют, фиксируют достижения в развитии человеческой мысли, практической деятельности. Поэтому права личности можно рассматривать именно как отраженные в законодательстве правовые притязания личности по отношению к иным субъектам правоотношений, основывающиеся на принятом в данном обществе гуманистическом понимании права.

Понятия “права” и “свободы” тесно связаны между собой. Право может быть инструментом наделения гражданина теми основными правами и свободами, которые в демократическом обществе рассматриваются в качестве неотъемлемой части нормальной жизни. Вместе с тем некоторые авторы предостерегают, что право может быть использовано в качестве орудия тирании, как это происходило на протяжении веков во многих обществах [Ллойд, 2002, с. 9]. Свобода как категория философии и юриспруденции есть достижение человечества, выработанное в революциях и реформах. Причем в юридическом смысле свобода определяется как закрепленная в конституции или ином законодательном акте возможность определенного поведения человека (на-

¹ В научной юридической литературе выражения “права человека”, “права индивида” или “права личности” используются как тождественные, если речь не идет при этом о персонификации прав, однако понятие “права личности” рассматривается как родовое для понятий “права личности” и “права гражданина”. Международно-правовые акты в большей степени употребляют понятие “права человека”. Это деление носит в известной мере условный характер, который уточняется нормами права, применяемыми в конкретных ситуациях.

пример, свобода слова, свобода вероисповедания и т.д.). Категория “свобода” близка к понятию “право” в субъективном смысле, но юридическая свобода не имеет четкого механизма реализации [Большой... 2004, с. 543].

Без свободы общества и свободы в обществе сложно представить индивидуальную свободу. В праве речь идет о свободе цивилизованной личности, самостоятельно распоряжающейся собой, своим поведением, но отражающей в нем определенную меру правовой ответственности. Свобода сопряжена с ответственностью и обязанностями. Конкретные индивиды, осуществляя свои права, в то же время взаимобязаны. У каждого есть обязанность не нарушать прав других людей.

Такое понимание свободы – довольно позднее изобретение. Естественно-правовую доктрину традиционно связывают с развитием капитализма, вызвавшим к жизни распространение идей индивидуализма и либерализма. Последние были сопряжены со стремлением установить границы государственной власти через требования соблюдения прав отдельных лиц. Так, центральной задачей права оказалось обеспечение свободы человека в его стремлении к самореализации и удовлетворению своих потребностей. Эта свобода была определена как естественное (полученное от рождения и неотчуждаемое) право, которое формально было признано ограниченным свободой и правами других людей.

В современном обществе проблема прав и свобод человека и гражданина приобрела “всеобщее значение” на планетарном уровне, что было отмечено еще на Венской встрече представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Итоговый... 1990, с. 30]. Общеизвестна фундаментальная роль Всеобщей декларации прав человека (хотя Декларация имеет, согласно Уставу ООН, рекомендательный характер, она признана Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (217 А (III) от 10 декабря 1948 г. “в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства”). Несмотря на различное отношение государств к Декларации, различное толкование ее содержания и уровня обязательности, “идеал свободной человеческой личности... свободной от страха и нужды” должен воплощаться в реальном мире, где каждое государство создавало бы “условия, при которых каждый сможет пользоваться” правами и свободами [Итоговый... 1990, с. 44, 539].

Глобализация оказалась неразрывно связана с постепенным, но последовательным созданием надежного механизма защиты прав и свобод человека (включающего использование внутригосударственных и международно-правовых средств и институтов), гарантиями легитимации политического режима и демократичностью конституционного строя большинства государств. Международно-правовой элемент обеспечивает его совершенствование, воздействует на все его составляющие и способствует расширению и усилению гарантий прав, интеграции государства и общества в гуманитаристическом аспекте.

Роль естественно-правовой доктрины как основы современных моделей рынка (право собственности), так и фундамента транснациональной политики, концентрирующейся вокруг гуманитарных проблем (защита этнокультурных меньшинств, предотвращение геноцида, глобальных катастроф и т.п.) давно отмечена в теориях глобализации. Как справедливо отмечает А. Назарчук, глобализация ведет к заметному укреплению основ международного права, что также имеет эффектом частичную утрату правового суверенитета государств на своей территории [Назарчук, 2002].

Не останавливаясь подробно на вопросе государственного суверенитета, отметим, что планетарное торжество естественно-правовой доктрины отнюдь не безоговорочно. “Восточные” исследователи глобализации неоднократно подвергали ее критике. Например, Х. Сакамото фиксирует слабость и чужеродность “чувства прав человека” для многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также отсутствие “теоретического бэкграунда” для этой теории (цит. по [Карелова, Чугров, 2009, с. 50]). Более того, указанные страны находятся под влиянием традиционной этнической морали, они стараются преодолеть свою бедность, голод и невзгоды не на идеологической

платформе естественного права, а посредством “мудрости и благополучия всего сообщества”, взаимопомощи и солидарности. Сакамото подчеркивает, что современное внедрение европейской идеи прав человека скорее повлечет за собой морально-этические и политические конфликты в азиатских обществах.

Таким образом, обеспечение ценностной платформы модернизации права в условиях глобализации не является одновекторным. Положения естественно-правовой доктрины должны быть дополнены социально значимыми идеями, генерируемыми гуманитарными науками в целом.

Проблема вторая. Естественно-правовая доктрина требует дополнительных инструментов установления социального согласия, социальной солидарности. Мы полагаем, что понятие “социальное согласие” может быть раскрыто через следующие категории: 1) единства (на политическом уровне); 2) солидарности (на идеологическом уровне); 3) ответственности (на правовом уровне). Раскроем их содержание.

1. Весь исторический период существования человека как родового существа *единство* социального бытия реализовывалось посредством деятельности государства. Публичная власть как один из главных признаков государства осуществляет управление делами общества, регулирует общественные отношения и применяет принуждение в целях достижения и поддержания стабильности и порядка. Государство начинает объединять социальную жизнь в условиях, когда интегративный механизм кровного родства оказывается исчерпанным процессами технического прогресса, классогенеза и роста численности человеческой популяции. Территории разрастающихся земель также требовали четкой централизации. Бытие любого государства сталкивается с проблемой, которую Э. Берендс обозначил следующим образом: “...ни одно из государств не избегло необходимости решить одну из самых сложных задач политики: примирить требования государственного единства со справедливыми притязаниями составных частей государства на удовлетворение их особых потребностей в законодательстве, суде и управлении” [Берендс, 1908, с. 39].

Еще Аристотель определял государство как нечто целое, состоящее из многих частей, отмечая, что “государство по своей природе не может быть абсолютно единым, поскольку сделать государство чрезмерно единым не является чем-то лучшим” [Аристотель, 1997, с. 94]. К. Шмитт указывает, что государство есть особое состояние народа, принимающего для себя решения о друге и враге и, исходя из этого решения, сплачивающегося против обособливаемых врагов [Шмитт, 1992].

Идея Шмитта перекликается с андерсоновским конструктом “воображаемого сообщества”: нация (то есть народ, обладающий государством) – воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображенное*, поскольку “члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности” [Андерсон, 2001, с. 30–31].

Таким образом, идея нации – это идея монолитного сообщества, неуклонно движущегося вглубь (или из глубины) истории. Государство как основание политического единства “собирает” в одно целое земли и умы, объединяет территории и сознания населяющих их людей. Но это объединение останется чисто механическим, если не реализуется социальная солидарность.

2. Социальная *солидарность* – феномен общественного сознания. Последнее содержит устойчивые представления, связанные с некоторой системой норм и принципов, необходимых для решения общезначимых проблем устройства общественной жизни в целом. Содержание общественного сознания способствует закреплению в индивидуальном сознании идей и регулятивов, необходимых для интеграции индивидуальных жизненных стратегий в единое социальное целое. Структура и сущность общественного сознания достаточно детально исследованы в отечественной науке (см. [Общественное... 1986]). Отметим такие важные для понимания социальной солидарности его элементы, как система ценностей и социальное настроение. Инди-

вид формирует границы собственного ценностного отношения к действительности, включаясь в репрезентацию ценностной системы на уровне общественного сознания, причем такое включение осуществляется на основе сознательной субъективной оценки, соответствующей подлинному содержанию личности. Такая оценка – не просто выражение жизненного пути человека, но и способ его формирования.

Впрочем, ценностное бытие постигается в эмоциональном, а не в интеллектуальном плане; чувства позволяют субъекту понять смысл происходящего. Здесь мы переходим к уровню социального настроения. Влияние последнего на социальное согласие представлено социально-психологическими механизмами. По мнению Ж. Тощенко и С. Харченко, социальное настроение, во-первых, носит результирующий характер: вбирая в себя как влияние объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентаций и установок, оно в то же время не является их механической суммой, неким условным объединением. Это принципиально новое качество общественного сознания, по которому можно судить о нем с большей долей достоверности и определенности [Тощенко, Харченко, 1996].

В то же время, социальное настроение более наглядно “отражает” предшествующий опыт, “переваривает” его, сопоставляя прошлое и уже происходящее в общественной и личной жизни, делая выводы и уроки на будущее. Кроме того, социальное настроение – “неотложное”, актуализированное, реальное сознание, управляющее жизнью человека в данный момент. Это тот элемент реально функционирующего сознания, который означает практическую готовность к действию и является непосредственным предшественником и даже компонентом поведения. И наконец, социальное настроение – еще и фон, который “окрашивает” жизнь людей, показывает с высокой степенью вероятности направленность их поведения и помогает спрогнозировать возможные усиления позитивных и ослабление негативных аспектов общественного сознания. Важнейшие ценности и эмоциональные установки, необходимые для поддержания данного социального порядка, как правило, фиксируются в господствующей идеологии.

Сегодня в научном дискурсе сосуществует множество определений “идеологии”. Так, согласно “Словарю по правам человека”, идеология – это образец мнений и убеждений, которыми люди пользуются для объяснения и оценки мира таким образом, чтобы сформировать, установить, направить и оправдать определенные формы и методы деятельности. В политике идеология означает систему взглядов, находящую свое выражение в политических доктринах [Словарь-справочник... 2006]. Политическая энциклопедия определяет идеологию как систему концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на политическую жизнь, отражающую интересы, мировоззрение, идеалы, умонастроения людей, классов, наций, общества, политических партий, общественных движений и других субъектов политики [Политическая... 1999, с. 417]. Большинство существующих определений носит классовый характер идеологии, подчеркивая, что ее производство и тиражирование опираются на политическую власть.

Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, порождает разнообразие социальных групп, отношения между которыми нередко противоречивы. С одной стороны, формируется потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей. С другой – динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных “солидарностей”. Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает “своими”, а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания современных социальных отношений. Социальная солидарность в качестве идеологемы нейтрализует социальную рознь, предлагая модели отношений между существующими группами и классами.

Отсутствие идеологемы солидарности ставит под угрозу существование общества, усиливает социальную напряженность и инициирует процессы дезинтеграции. Идея

социальной солидарности как образа жизни в обществе призвана указать ориентиры для развития социальных отношений, способствуя формированию их плюралистического характера. Она не исключает признания противоречий в обществе (поскольку оно остается асимметричным), но сводит на нет идеи непримиримой, разрушительной классовой борьбы и диктатуры как отвергнутые человечеством.

Сегодня известны случаи трансформации идеи социальной солидарности в конституционную норму, определяющую отношения различных слоев в обществе. Такая норма есть не во всех конституциях, хотя она включена в некоторые основные законы и развитых стран (Италия), и развивающихся (Египет), и посттоталитарных (Чехия) [Хабриева, Чиркин, 2005, с. 182]. Впрочем, обретение конституционно-нормативного статуса не выводит идею социальной солидарности из идеологического поля, поскольку она продолжает направлять социальное взаимодействие различных социальных слоев, нередко состязательное и конкурентное, к общим целям.

3. На правовом уровне социальное согласие в демократическом обществе раскрывается как система взаимной ответственности личности, общества и государства. Трудно не согласиться с утверждением Р. Хачатурова и Д. Липинского, что длительное время, вплоть до середины 60-х гг. XX в., юридическая ответственность рассматривалась юристами только как следствие правонарушения [Хачатуров, Липинский, 2007, с. 13]. Более того, субъектом ответственности, как правило, оказывался индивид. Сегодня давняя философская проблема свободы и ответственности личности не может получить адекватного разрешения в терминах юридической науки без учета понимания ее многосубъектности и многоаспектности.

Ответственность личности, государства и общества имеет социальную природу, порождается конкретно-историческими социальными отношениями. Ее основа – единство коренных интересов данных субъектов [Эбзеев, 2007, с. 177]. Дихотомический характер последствий любой деятельности (зло – благо) лежит в основе традиционного для юридической науки выделения позитивного и негативного (проспективного и ретроспективного) аспектов ответственности.

Проспективный (позитивный) аспект ответственности характеризует положительное отношение лица к совершаемым им поступкам, что предполагает понимание важности своих действий для общества, стремление и желание выполнить их как можно лучше, эффективнее, быстрее. Это ответственность за надлежащее осуществление своей социальной роли, выполнение социальных норм, за любое порученное дело. В правовой сфере позитивная ответственность связана с социально-правовой активностью, проявлением инициативы при реализации правовых предписаний. Кроме того, ей отводится определенная превентивная роль, поскольку она помогает предотвратить нежелательный вариант поведения индивида и тем самым избежать наступления негативной ответственности.

Вообще говоря, понимание проблем ответственности находится в прямой зависимости от общего идеологического фона эпохи. Так, забвение индивида и его прав характерно для многих десятилетий отечественной политической истории [Эбзеев, 2007, с. 43]. Однако в итоге борьбы с тоталитарными режимами юридическая интерпретация свободы личности тяготеет к акцентуации свободы личности, оттесняющей ее обязанности на второй план. Данная доктринальная установка, как справедливо отмечает К. Черкасов, приводит к негативным для общества последствиям: “Без основных обязанностей невозможны ни правовое государство, ни реализация основных прав и свобод человека. Права человека и гражданина становятся реальностью лишь в том случае, если они неразрывно связаны с обязанностями людей. Непременным условием соблюдения прав прежде всего является исполнение обязанностей” [Черкасов, 2004, с. 103]. Иллюзия второстепенности обязанностей в сравнении с основными правами и свободами, порожденная отсутствием их закрепления международными документами, влияет и на существующую концепцию ответственности. Конституционные обязанности – это материализованная юридическая форма выражения ответ-

ственности личности, ее конкретизации в наиболее значимых для общества сферах социума или в отношениях с другими людьми [Эбзеев, 2007, с. 176].

Опираясь на работу Б. Эбзеева “Личность и государство в России. Взаимная ответственность и конституционные обязанности”, можно схематично описать систему социальной ответственности следующим образом. Личность в демократическом обществе свободно и самостоятельно определяет варианты своего поведения. Свободно осуществленный ею выбор лежит в основе ретроспективной (негативной) и проспективной (позитивной) ответственности.

Негативная ответственность выступает в качестве социального отношения (в том числе и правового), где субъектом является государство, в лице своих органов возлагающее на личность данную ответственность за социально ущербное поведение. Личность становится объектом этого правоотношения с момента вступления в силу правоприменительного решения.

В случае позитивной ответственности субъектом является сама личность, а объектом – ее поведение. При этом государство может выступать в качестве носителя конституционной ответственности, а личность – в качестве субъекта. То есть позитивная ответственность основывается на сочетании и взаимодействии интересов личности с интересами общества в целом и составляющих его структур. Социальная ответственность общества опирается на его заинтересованность во всестороннем развитии человека, обеспечении должного простора для самовыражения личности в соответствии с реальными экономическими условиями. Ответственность общества, по меткому выражению Эбзеева, “юридизируется” в лице государства в качестве ее носителя путем закрепления в конституции. В итоге создается механизм юридической ответственности государства, государственных и общественных органов и должностных лиц. Механизм этот крайне важен в философско-историческом контексте судьбы страны и народа: “История развития человеческой цивилизации убедительно доказывает, что государства, в которых обеспечивалась надлежащая защита своих граждан и допускалось свободное развитие личности, имели превосходство в мире и вносили наибольший вклад в культурное, научное и другое наследие человечества. Защищая своих граждан, государство в первую очередь защищало себя как от внутренних, так и от внешних опасностей” [Снежко, 2005, с. 265].

Практика повседневного государственно-правового строительства требует эффективной работы института юридической ответственности государства, обеспечивающей не только уменьшение злоупотреблений со стороны должностных лиц, но и повышение доверия граждан к государству, укрепление социального согласия. К сожалению, сегодня этот институт находится на начальной фазе своего формирования и не действует во многих областях столкновения личности и государства. В XX в. практика тоталитаризма и массовых репрессий значительно снизила репутацию государства как социального института, и это снижение нередко “затмевает” его социальную значимость в глазах обывателей и даже исследователей. Вместе с тем ученые-юристы прошлого отнюдь не прибегали к гиперболе, когда оценивали значение государства в социальной жизни. Например, Б. Кистяковский писал: “...в облагораживающей и возвышающей человека роли и заключается истинная сущность и идеальная природа государства” [Кистяковский, 1916, с. 553–554]. Государство призвано действовать во имя этой миссии, а человек как свободная личность, в свою очередь, должен действовать по собственному волеизъявлению, но со знанием и учетом объективных ограничений, включающих и потребности государственного бытия. Здесь мы подходим к следующей проблеме.

В целом, категории “социальное согласие” и “социальная ответственность” требуют общегуманитарной рефлексии. Если первая должна быть обеспечена преимущественно социологическими средствами, то вторая должна стать основанием правовой культуры личности, формируемой общими усилиями философии, педагогики, психологии и других наук.

Проблема третья. Позитивная ответственность личности юристами традиционно рассматривается в контексте формирования правовой культуры. Однако приходится

констатировать, что весьма существенная доля социальных взаимодействий сегодня осуществляется в киберпространстве. Для нынешней информационной революции характерно распространение высоких технологий (наукоемкие многоцелевые технологии, способные вызвать цепную реакцию инноваций), оказывающих значительное воздействие на социокультурную сферу. Объединяя технические операции в единую систему, высокие технологии быстро привели к “виртуализации” (термин Д. Иванова) общества, дополнению социального пространства уровнем электронных коммуникаций. Рост социальных сетей и распространение их среди молодежи приводят к тому, что хабиутализация коммуникативных практик осуществляется в Интернет-среде, опыт социальной активности в которой становится универсальным. Интернет традиционно рассматривают как почти анархическую территорию свободы. Тем не менее именно киберпространство стало сферой этического социального творчества – от Нетикета до Этического кодекса информационного общества. Именно здесь формируется ряд нормативных новаций, которые могут быть использованы в качестве фундамента будущего правотворчества. Кроме того, в качестве технологии сетевого взаимодействия Интернет создает материальные возможности полномасштабной реализации наиболее продуктивной модели взаимодействия государства и индивида – двусторонней сбалансированной связи, способствующей консолидации гражданского общества. Данная реализация возможна благодаря решению следующих задач:

- организация публичных дискуссий по принимаемым решениям, требующая предоставления большему числу членов общества возможности высказать свое мнение о важнейших проектах и планах до их окончательного утверждения;
- стимулирование гражданской инициативы, идущей “снизу вверх”;
- возможность личного участия в формировании общественного мнения;
- формулирование и обоснование значимости общих целей;
- предоставление гражданам возможных альтернативных решений и подведение решения к оптимальному варианту;
- информационное сближение центра и провинции;
- отказ от цензуры и, шире, фильтрации информации. По мнению Б. Кагарлицкого, “с развитием новых компьютерных технологий расширились границы свободы, цензура потерпела историческое поражение” [Кагарлицкий, 1998].

Интернет сегодня становится важной коммуникационной средой и одновременно элементом структуры гражданского общества, позволяющим людям жить в едином информационном пространстве и вступать во взаимодействие как друг с другом, так и с государством. Более того, Интернет становится важным фактором формирования правовой культуры, особенно в отношении молодежи. Навыки социальной и даже политической активности сегодня массово начинают формироваться именно в Интернет-среде. Технологии Интернета все чаще используются государством, превращаясь в технологии (инструменты) реализации государственной политики в гражданском обществе. Именно здесь концентрируются обсуждение и выработка этических идеалов, которые будут транслироваться в дальнейшем процессе глобализации. Поэтому требуется самое пристальное внимание общественных наук не только к изучению реалий Интернета, но и к обозначению возможных стратегий управления его развитием.

Таким образом, российское право в ходе модернизации оказывается перед лицом двоякого вызова. С одной стороны, ему предстоит выработать теоретические стратегии адаптации своих базовых идей к новым условиям человеческой свободы – свободы информационной при сохранении фундаментальных ценностей естественно-правовой доктрины. С другой – разработать на теоретическом уровне решение глобальной задачи информационного общества, преодоления так называемого “цифрового разрыва”, под которым понимается неравенство граждан в доступе к современным цифровым коммуникационным технологиям и предоставляемым ими услугам. Эти задачи могут быть решены только на основе адекватных теоретических моделей объяснения новой социальной реальности, генерируемых социальными науками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Аристотель.* Политика. М., 1997.
- Берендс Э.Н.* О государстве. СПб., 1908.
- Большой юридический словарь. М., 2004.
- Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Международная защита прав и свобод человека. М., 1990.
- Кагарлицкий Б.* Четыре власти на одну свободу // Компьютер и жизнь. 1998. Июль.
- Карелова Л.Б., Чугров С.В.* Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов // Вопросы философии. 2009. № 7.
- Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.
- Назарчук А.В.* Этика глобализирующегося общества. М., 2002.
- Общественное сознание и его формы. М., 1986.
- Политическая энциклопедия. М., 1999.
- Словарь-справочник по правам человека: основные понятия и институты. М., 2006.
- Снежко О.А.* Государственная защита прав граждан. М., 2005.
- Сырых В.М.* О “естественном” праве государства на смертную казнь // Право на смертную казнь. М., 2004.
- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996.
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2005.
- Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.
- Черкасов К.В.* Конституционные (основные) обязанности человека и гражданина в условиях глобализации: национальный и международный аспекты // Государство и право в условиях глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17–18 ноября 2004 г.). М., 2004.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
- Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России. Взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.

© О. Рыбаков, С. Тихонова, 2011